

ПРОВОКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЛИЯНИИ

Дружинин Андрей Михайлович
НОУ ВО "Институт
управления и права"

PRACTICE PROVOCATION IN POLITICAL INFLUENCE

A. Druzhinin

Annotation

The phenomenon and the history of political provocation analyzed in this paper. It is noted that this phenomenon should be seen as destructive communicative practice. The provocation is presented as a kind of social conflict, as well as an integral part of large-scale manipulative strategies. Characteristics of the phenomenon of manipulation are based on the Kant's ethics and discursive theory of Jurgen Habermas.

Keywords: provocation, political influence, communication, manipulation.

Аннотация

В статье проанализирован феномен и история возникновения политической провокации. Отмечается, что это явление необходимо рассматривать в качестве деструктивной коммуникативной практики. Провокация представлена как разновидность социального конфликта, а также составная часть масштабных манипулятивных стратегий. Характеристика феномена манипуляции дана на основе этики И.Канта и дискурсивной теории Ю. Хабермаса.

Ключевые слова:

Провокация, политическое влияние, коммуникация, манипуляция.

При исследовании явления провокации философия и социальная теория задают три основных вопроса: что это такое, какова внутренняя структура этого явления, и как к нему необходимо относиться с точки зрения базовых этических категорий. Комплексный подход, включающий в себя онтологическое толкование, этическую оценку и логико-семантический анализ рассматриваемого социального явления, может приблизить исследование провокации к пониманию этого феномена. С другой стороны рассмотрение провокационных практик в различных сферах социальной жизни является необходимым условием для выработки адекватного отношения к данному явлению.

На первый взгляд, провокация в функциональном смысле является частным проявлением социального конфликта. Н. И. Леонов конфликт определяет как "форму проявления противоречия, не разрешенного в прошлом или разрешаемого в настоящем, которое возникает в ситуации непосредственного взаимодействия субъекта и обусловленного противоположно выбранными целями, осознаваемыми или не осознаваемыми участниками ситуации действия, направленными на разрешение или снятие противоречия" [9. С. 284]. Это определение конфликта предлагается использовать как рабочую трактовку функционально-социального смысла провокации. Однако подобная формулировка недостаточна для понимания этического смысла провокации, ее структуры и соотношения с базовыми нормативными ценностями.

Изначально термин "провокация" связан с римским правом. *Provocatio ad populum* – в римском государственном праве – это разновидность апелляции в уголовных вопросах [14]. Первоначально *provocatio* была установлена в случаях присуждения к телесному наказанию или смертной казни; позднее она распространилась и на случаи назначения крупных штрафов. Всякий полноправный гражданин мог апеллировать к народу в *comitia centuriata* или *comitia tributa* и *curiata* на решение всякого магистрата или диктатора. Провокация состояла в пересмотре уголовного дела народом в комициях и произнесении нового приговора. Гражданские дела провокации не допускали, в силу исключительной судебной компетенции магистрата или судьи.

Это значит, что в древнейшей юридической практике был документально закреплён момент отсваивания права судьи в пользу права некоторого количества других избранных индивидов. Это своеобразное исключение из общепризнанного правового бытия и присваивания этого бытия другими по отношению к судье субъектами. Правовая трактовка провокации помимо экзистенциального ее смысла проливает свет и на коммуникативную структуру провокационного действия, развернутую во времени.

В гражданском процессе некоторых европейских стран термин провокация (*Provocatio ad agendum*) обозначает понуждение истца к предъявлению иска, вопреки

общему правилу, в силу которого предъявление или не-предъявление иска и самый срок предъявления предоставлены всецело усмотрению истца. Со временем значение термина "провокация" стало шире и распространилось на другие социальные явления. Неизменным остается только одно – схема противостояния двух субъектов, имеющих противоположные цели и задачи, то есть ситуация социального конфликта.

Впервые на этот "перенос по смыслу" обращают внимание конфликтологи. Еще в 1968 году В. Лефевр и Г. Смолян в работе "Азбука конфликта" писали: "Управление решением противника, в конечном итоге навязывание ему определенной стратегии поведения при рефлексивном взаимодействии осуществляется не прямо, не грубым принуждением, а путем передачи ему оснований, из которых тот мог бы логически вывести свое, но predetermined другой стороной решение. Передача оснований означает переключение X к процессу отображения ситуации Y, тем самым X начинает управлять процессом принятия решений. Процесс основания для принятия решений одним из противников другому мы называем рефлексивным управлением. Любые "обманные движения" (провокации (курсив мой – А.Д.) и интриги, маскировки и розыгрыши, создание ложных объектов и вообще ложь в любом контексте) представляет собой реализацию рефлексивного управления" [8. С. 68].

Представляется, что провокационные коммуникации являются неотъемлемой частью манипулятивных стратегий, однако имеют собственную специфику, являются событием, завершенным во времени. Кроме того, провокации – явления зачастую неоднозначные, что вполне можно говорить об их пограничном характере, о присутствии элементов провокаций как в деструктивных, так и в созидательных коммуникативных практиках [6].

Одна из ключевых задач манипулятивных коммуникаций заключается в придании множественности смыслов внешне однозначным текстам публичных сообщений. На первый взгляд, массовая коммуникация должна избегать двусмысленности, однако сам текст дает возможности разного прочтения в зависти от того, какие коды для его интерпретации используются. Субъект-манипулятор активно использует одно из основных свойств текстов массовой коммуникации – открытость разным интерпретациям. Задача манипулятивного произвола заключается в одностороннем формировании интеллектуального багажа своих адресатов, активного вмешательства в сферу их неявного знания. Совокупность индивидов под воздействием манипуляции становится пассивным ОБЪЕКТОМ воздействия.

Уже в трактовке И.Ильина провокация выглядит как частное проявление социального конфликта. В своем ре-

зультативном плане она отражает истинные и ложно заявленные цели субъекта провокации. Феномен провокации изучают современные политологи, социологи, философы и правоведы. В данном тексте выборочно представлены их взгляды на это явление и выявлены ключевые характеристики провокационных практик в научно-исследовательском дискурсе.

Этико-философская трактовка анализируемого явления в данном исследовании базируется на теоретико-правовых представлениях Иммануила Канта, Георга Гайзмана и дискурсивной этики Юргена Хабермаса. Сразу необходимо отметить, что провокация здесь рассматривается как особая коммуникативная практика, претендующая на значимость и, в терминологии Хабермаса, являющаяся действием телеологическим, т.е. целерациональным. При этом провоцирующий субъект сообщает объекту провокации не столько какую-либо информацию, сколько транслирует определенную ценностно-нормативную установку. Так или иначе, провокация, какую бы благородную цель не ставил перед собой ее активный субъект, является коммуникацией нарушенной, с точки зрения этики дискурса Хабермаса [17]. По всей видимости, самые грубые и неконструктивные провокации являются обманом, а иногда – частью глобальной манипулятивной стратегии. Провокации же конструктивные, не имеющие скрытых целей, для решения операционных и локальных задач скрывают процедурные вопросы интерсубъективного взаимодействия.

Значительный вклад в исследование провокации уже внесли эмпирические дисциплины. Подавляющая часть содержательных характеристик провокации как социального явления накоплена прикладными эмпирическими дисциплинами: теорией и практикой пропаганды, политологией, психологией. Поэтому в исследовании уделено повышенное внимание краткой характеристике данных, собранных этими науками. В этом смысле исследование феномена провокации представляется мне как взаимное движение эмпирического факта и рациональной теории навстречу друг другу.

Конечным коммуникативным актом в провокации является сообщение о результате провокации, воспринятое субъектом провокации. Результатом провокации можно считать задуманное субъектом провокации изменение физического мира, то есть реализацию его целей. После выполнения провокационной задачи ментальный мир объекта воздействию провокации больше не подвергается. Действия, совершенные коллективным коммуникантом, под влиянием провокации становятся необратимыми. Физический мир в результате ее осуществления неизбежно преобразуется. Такое изменение есть итог провокации. Манипулятивная стратегия может включать в себя несколько провокаций, связанных и несвязанных

друг с другом. В этом случае провокации по отношению к манипуляции выполняют функцию коммуникативных событий.

Согласно современным представлениям, пропаганда – это систематические меры или усилия с целью повлиять на сознание индивидов, социальных групп, да и общества в целом в определенном направлении. Политическая провокация как разновидность манипулирования представляет эпизодическую меру, способную оказать мгновенное влияние на сознание общества, определенных социальных и профессиональных групп и отдельных людей, лидеров партий, организаций, фирм и компаний, меру циничную, острую и жестокую, по сути. Стало быть, действительное соотношение вещей при-сваивается (по Бахтину – изолируется) субъектом провокации.

Субъективный произвол манипулятивной воли к власти на практике порождает конкретные ситуации, телеологические действия, традиционно называемые провокациями. Современная социальная провокация – это особый конфликт, по форме внешне имитирующий другое, социально легитимное бесконфликтное явление. По всей видимости, провокационное событие служит оперативным средством разрушения ценностей, составляющих сердцевину общества. Провокация направлена на ценностную дезориентацию индивидов, составляющих сегменты объекта манипуляции.

В лингвистике провокация также трактуется как одна из форм конфликтного, деструктивного поведения коммуникатора. Речевые формы провокации могут быть разными, от вербальной демонстрации обиды, до тактики молчания и даже резкого прерывания процесса коммуникативного взаимодействия. По мнению О.В. Волковой, "коммуникативная провокация – это стратегия деструктивного поведения, нацеленная на вовлечение партнера по коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения" [2 С. 53]. Исследователь отмечает, что на практике провокации реализуются в сообщении заведомо ложной информации, гипертрофированную демонстрацию эмоций, возмущение, упрек, а также похвалу, совет, извинение, заверение, восхищение, убеждение и др. О. Волковой выявлены провокационные сообщения преимущественно на начальной стадии конфликта и на предконфликтном этапе. Важно и то, что "провокатор выстраивает свое поведение в соответствии с желанием достичь собственных интересов, не принимая личного участия в открытом конфликтном взаимодействии, т. е. реализуя опосредованную коммуникативную провокацию" [2 С. 53].

Историческая наука, накопившая собственный компендиум знаний относительно этого явления, значительно сузила значение термина "провокация" до своеобразного тактического приема в политической борьбе. Изве-

стный историк Борис Николаевский писал в своей книге "История одного предателя": "Провокация как метод борьбы с революционным движением в странах без политических свобод или со свободами, весьма ограниченными, не принадлежит к числу особенностей специально русской истории. Италия эпохи австрийского владычества, Франция времен Луи-Филиппа и Наполеона III, даже Пруссия в царствование Фридриха-Вильгельма IV знали применение провокации в значительно более широких размерах, чем современная им Россия. Весьма широко применялась она в разных странах и в отдельные другие периоды. Но в то время, как повсюду в других странах она применялась именно только в отдельные периоды, а потому не могла создать прочной традиции, в России непрерывная и все более ожесточившаяся борьба правительства в течение целого столетия против нарастающего революционного движения привела к тому, что провокация сложилась здесь в стройную законченную систему, над "научной" разработкой которой бились "лучшие головы" полицейского сыска" [13 С. 18]. Историческая оценка провокационного события важна для настоящего исследования, однако не достаточна для раскрытия базовых теоретических проблем.

Основную сложность в исследовании этого явления представляет собой многозначность и политическая ангажированность маркировки тех или иных социальных явлений как провокационных. В современном научном и общественно-политическом обиходе "провокация" чаще всего упоминается как понятие негативное, подчас не проводится разграничение между провокацией, манипуляцией, фальсификацией, дезинформацией. К сожалению, как в обыденном сознании, так и в обществоведении не разработано пока четких дефиниций этих явлений, на практике переплетенных меж собой.

В политологии провокация рассматривается как составная часть "психологической войны", которая предполагает перенос идеологической и идейно-политической борьбы из сферы теоретического сознания в сферу сознания обыденного. В процессе психологической войны ее участники зачастую обращаются не к научным фактам и логическим аргументам, не к разуму и даже не к фактам, а к эмоциям, инстинктам, предрассудкам, предубеждениям. О. Карпухин, Э. Макаревич в книге "Формирование масс" пишут, что "производное от латинского слова *Provocatio* – провокация означает вызов, подстрекательство, побуждение людей к определенным действиям. Вся история говорит за то, что провокация используется и как средство изменения общественного сознания, настроения, и как средство политической и экономической борьбы, компрометации конкурентов – политических противников. Компрометация (от французского *compromettre* – подрывать репутацию) – это оглашение информации, подрывающей доверие к определенным лицам и организациям, разрушающей имидж личности или организации.

Но компрометация как провокация подразумевает ложные, фальшивые сведения, сфабрикованную информацию" [11. С. 310].

Другое существенное замечание политологов относительно провокации фиксирует форму разбираемого явления как имитацию, мимикрию одного явления под другое. Политологи исходят из убеждения, что провокация как средство влияния на сознание людей, как средство борьбы с политическими противниками, как средство завоевания власти, отстаивания и укрепления ее используется как в демократических, так и тоталитарных обществах. Как правило, правящие элиты прибегают к провокациям в особых случаях, когда необходимо резко изменить ситуацию в пользу определенной группы из правящей элиты или первого лица государства. Конечно, субъекты провокации, понимая всю циничность этого средства, всячески маскируют его под разного рода идеологические, юридические, политические акции.

Карпунин и Макаревич провокацию называют разновидностью пропагандистского мифа, полагая, что это метод политической борьбы и метод изменения общественного сознания. Провокация, в их понимании, "сводится к двум основным начальным формам: документу и акции. Документ как предмет провокации – это, как правило, разного рода фальшивки в виде аналитических записок, писем, статей, книг. В основе же провокационной акции – непосредственное действие, чаще всего по определенному сценарию (например, политические процессы в СССР в 30-е годы, "эра маккартизма" в США и т. д.)" [11. С. 311]. Однако, с точки зрения социальной философии, было бы неверно отождествлять деятельность провокаторов с работой мифотворцев. Философский багаж, накопленный известными исследователями мифа, Р.Бартом, К.Леви-Строссом, Б.Малиновским, Э.Кассирером, позволяет говорить о создании мифа как о длительном процессе взаимосвязанных телеологических действий, вписанных в контекст уже известных символических форм. Провокация же, по всей видимости, ориентирована на кратковременный эффект и редко затрагивает глубинные, архетипические пласты сознания индивида – объекта провокационного действия.

В некоторых случаях и современные политические провокации напрямую связаны с насильственными действиями [12]. В российских силовых ведомствах отмечают, что субъектами-исполнителями осуществления политических провокаций в пространстве политического конфликта нередко становятся сотрудники иностранных частных военных компаний. Их роль в осуществлении провокаций – физический захват мест локализации государственной власти, парламента, министерств и ведомств. Российские силовики обеспокоены юридическим статусом частных военных компаний (ЧВК) однако точно знают, что приемы "случайных жертв снайперского огня",

которые впоследствии выдаются за убийства совершенные сотрудниками правоохранительных органов, осуществляются совсем не для устранения конкретного участника массовых беспорядков. Истинная задача снайперов не убийство в узком смысле, а создание кровавого материала для СМИ. Видеокадры застреленных демонстрантов, как при штурме рижского телецентра в 1990-ом году, так и во время киевского "майдана" в 2014-ом, это в первую очередь информационный повод, который впоследствии используется против той или иной стороны политического конфликта. А само убийство, осуществленное в рамках политической провокации всего лишь повод для публичных обвинений объекта деструктивного воздействия – свергаемой власти.

Для международной политики в условиях военно-политического кризиса характерны военно-политические провокации. Так, Лев Троцкий мирные переговоры с Польшей летом 1920 года называл азартной провокацией. По его мнению, польское командование уклонялось от деловой встречи с советскими уполномоченными. Приводя подробную хронологию событий, Троцкий считает, что "Польша явно уклоняется от свидания с нашими уполномоченными. По-видимому, политика польских правительственных сфер состоит в том, чтобы вынудить нас занять Варшаву, что в свою очередь должно создать, по мнению польского правительства, и всех, кто стоит за его спиной, благоприятные условия для военной интервенции Антанты" [16]. Троцкий утверждал, что за спиной Польского правительства стоит Франция, которая ни за что не хочет допустить установления мирных отношений Советской России с Польшей и с другими странами, ибо это привело бы неизбежно к крушению нынешнего французского правительства", потратившего много денег на интервенцию в Россию. Описанная Троцким многоактная коммуникация действительно провокационна. Здесь присутствует и фиктивный коммуникатор – Польша, за которой стоит субъект провокации – Франция. Предполагалось, что под действием ложных сообщений Россия поведет себя так, как нужно провокатору, то есть начнет военные действия. Это событие стало частью официальной истории СССР, хотя факты, изложенные Троцким в публикации, могли быть интерпретированы и как простое недоумение.

Необходимо отметить, что провокационные заявления на международной политической арене однозначно воспринимаются как практики деструктивные. Нередко официальные структуры пользуются этим термином, для того, что бы дать оценку действиям и заявлениям своих оппонентов. Зачастую подбирая просторечные синонимы и жаргонизмы, заимствованные из сленга сотрудников полиции и спецслужб. Например, понятие "вброс". Именно так 2 февраля 2016 г. оценила официальный представитель МИД РФ Мария Захарова одно из заявлений Британского внешнеполитического ведомства, относи-

тельно ситуации в Сирии. По ее словам зарубежный министр озвучивает "опасные вбросы дезинформации".

Политические провокации являются предметом исследования в криминологии [4], [5]. А.П. Данилов относит политические провокации к политическим преступлениям, которые осуществляются преимущественно представителями одного государства в отношении властных структур другого государства. На материале анализа ситуации с выборами президента Республики Беларусь, автор приходит к выводу, что политические провокации являются преступлениями антинародными, направленными на незаконную смену власти. Кроме этого массовые беспорядки, возникшие в результате убийства футбольного болельщика Е. Свиридова в 2010 на Манежной площади в Москве, исследователь трактует как провокацию гражданской войны на межнациональной почве. Криминолог дает детальный фактологический анализ тех событий и выявляет ряд черт политической провокации. И в первую очередь подобные практики затрагивают индивидов потенциальных участников уже существующих социальных конфликтов, например культурного и цивилизационного конфликта местных жителей и приезжих "гостей столицы".

Политические провокации нередко основаны на прямом обмане. И, к сожалению, поддается этот обман в форме научных социологических исследований. Вот почему расследованием подобных практик просто вынуждено заниматься научное сообщество. Провокаторы, "мимикрирующие" под социологов, в 2006-ом году провели социологическое исследование в Молдове о судьбе национального меньшинства – русинов [15]. Ученые выяснили, что "исследователи" которые представлялись сотрудниками Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина никакого отношения к вузу не имеют, хотя поразили общество публичными заявлениями, основанными на результатах проведенного "опроса", которым было якобы выявлено, что права русинов в Молдавии нарушаются.

По всей видимости, как осуществление политических провокаций, так и борьба с ними по-прежнему являются одним из ключевых инструментов информационной войны на всех уровнях политического влияния.

Провокация служит оперативным средством разрушения ценностей, составляющих сердцевину общества. Провокация направлена на ценностную дезориентацию индивидов, составляющих сегменты объекта манипуляции. Политическая провокация в широком смысле – это частное проявление социального конфликта, а в более узком – это особая разновидность манипулятивной коммуникативной практики, по сути являющаяся обманом, направленным на объект провокации, однако, в отличие от манипуляции, провокация обладает ограниченным во

времени и пространстве воздействием. Субъекты провокации появляются прежде всего в кризисные моменты развития общества, в периоды обострения политической борьбы. Во многом ход истории определялся провокационными импульсами, отражающими базовые конфликты между индивидами и обществом в целом. В нормативном аспекте на поиск цивилизованного разрешения подобных конфликтов призвано право, в классическом понимании, способное найти решение в споре до каких либо узколичностных, узкоклассовых, узконациональных или узкогосударственных интересов.

В истории философии неоднократно делались попытки обосновать подобное универсальное право посредством разных оснований. В современной политической философии достаточные для исследования провокации основания приводит правовед и философ Г. Гайзман [3]. Опираясь на Канта, он утверждает, что попытка обосновать всякого рода привилегии является знаком властного произвола. Свободу в обществе обеспечивает правопорядок, который, впрочем, может потребовать ограничение этой свободы. Правопорядок обеспечивается добровольным подчинением закону. Манипулятивные коммуникации и составляющие их провокационные события стремятся установить свои законы или иным способом повлиять на свободное решение объекта провокации. Тем самым правопорядок, нарушается и возникает правовая дискриминация, которую не может оправдать никакая эмпирическая обусловленность в действиях объекта провокации.

В книге "Свобода и право: политическая философия Канта и современность" историю вопроса Гайзман представляет в виде антиномий политического порядка и "решений" ложных альтернатив. Характеризуя политическую философию Канта, он утверждает, что свобода каждого ограничена по всеобщему закону условием ее совместимости со свободой каждого другого. Этот универсальный принцип реализуется в идее республики, которая строится на трех принципах: свобода, равенство и политическая самостоятельность. Правом Гайзман называет прежде всего совокупность таких условий, которые оправдывают "свое притязание на власть перед разумом, то есть будет свободно признано каждым" [3. С. 39]. В своей монографии автор пытается "охватить возможный смысл политического порядка и антиномический характер этой реальности, ориентированной на нормы и цели" [3. С. 36]. Гайзман обращает внимание на существующие в современной политической философии проблемы и разногласия. Основной правовой принцип, по мнению Гайзмана, заключается в признании эмпирического факта множественности мнений и интересов и их правомерности. Однако "обоснование права и, тем самым, порядка господства как такового на эмпирических фактах, то есть обоснование всякого рода привилегий, всегда может означать только произвол, которому подчиняются,

самое большое, недобровольно, стало быть, от бессилия, то нужно при поисках всеобщего и обязательного принципа абстрагироваться от всех эмпирических различий между людьми и, тем самым, одновременно принять во внимание существование этих различий" [3. С. 39].

Сразу хочу отметить, что уже существующая критика провокации как политического явления редко базируется на подобном четком этико-нормативном аппарате, однако является тем контекстом, без которого норма и право остались бы лишь кристально чистым априорным построением. Еще в начале прошлого века Иван Ильин в статье "Демагогия и провокация" подробно разбирает социальные последствия этих явлений. С точки зрения Ильина, современные ему массы живут в состоянии бессознательности и распыления, люди "ослеплены страстью и узкоклассовым интересом". Этими недостатками умело пользуются провокаторы, которых философ называет "наемными слугами старой власти". Эти субъекты умеют ловко пользоваться состоянием народа и "принимают на себя обличье демагогов", то есть таких политических деятелей, которые стараются во что бы то ни стало привлечь к себе доверие и одобрение народа и особенно избирателей. Демагоги, по мнению Ильина, преследуют в политике частный интерес своей политической партии и своего класса, а в худшем случае – частный интерес своей личной карьеры. Но еще опаснее провокаторы. "Пользуясь тем, что массы народа не знают своих вожakov, и что вожаки приходят к народу извне, агенты старого порядка проникают в революционные партии или даже сами устраивают подобие особых партий – то крайних левых, то крайних правых. Они легко и быстро усваивают манеры и речи демагогов, а страстность движения и бессознательность народа помогает им укрываться за личину вожаков. Они крадываются в доверие и ловкими маневрами ищут погубить все дело. Задача этих агентов, называемых "провокаторами", состоит не только в том, чтобы узнать имена и замыслы революционных вождей и положить конец их деятельности доносом и арестом, но нередко и в том, чтобы усилить среди них демагогию, овладеть движением изнутри и направить его к гибели" [7. С. 106].

Еще задолго до Ильина Иммануил Кант, характеризуя ситуацию как таковую, утверждал, что "народ желает быть ведомым, т.е. (на языке демагогов) обманутым" [7. С.74]. Исходя из теории последователя Канта – Гайзмана, ситуация политической провокации есть состояние бесправия и насилия, тогда как право есть полагание равноправия. Ильин обращает внимание на то, что привилегия осуществлять провокацию, то есть совершать противоправные действия, присваивается конкретными индивидами, стремящимися насильственно ограничить свободу Другого. Гайзман же идет дальше и утверждает, что привилегия оказывается доправовым явлением, лежащим перед сферой права, а именно – в сфере произ-

вола. И тот, и другой, тем не менее, полагают, что единственное необходимое основание для согласия на ограничение свободы, то есть для добровольного подчинения каждого правопорядку, есть обеспечение посредством этого правопорядка своей свободы. И это основание политическая провокация, претендуя на коммуникативную значимость, нарушает.

По мнению Ильина, первоочередная задача провокаторов – окончательно запутать сознание народа, разжечь в нем страсти, ослепить его разум и, в то же время, сосредоточить на себе его доверие, а в своих руках – руководство движением. Завоевав доверие, провокаторы призывают народ к деструктивным, а иногда и экстремистским методам политической борьбы: "например, открыть вооруженную борьбу ... начать дикий и бессмысленный погром лавок и домов с тем, чтобы восстановить все остальное население против погромщиков и лишить сторонников революционного беспорядка всякого сочувствия" [7. С. 106–107]. Субъект политической провокации всеми силами старается сделать соучастниками противоправных действий как можно больше людей, являющихся объектами его скрытых стратегий. Он присваивает базовое право каждого принимать решение относительно своего участия в политическом процессе, которое "должно быть предоставлено исключительно свободному решению индивида, возможная эмпирическая обусловленность такого "свободного решения", скажем, посредством "внушений социальной среды", не оправдывает правовой дискриминации" [3. С. 43].

Провокаторы стремятся вызвать (провоцировать) народ на такие поступки, которые выгодны им, но пагубны для народного дела. Они умело манипулируют большими массами народа. Чтобы качественно охарактеризовать подобных личностей, Ильин прибегает к большому количеству метафор. "Они (провокаторы) подражают ловкому карманнику, который кричит в театре "пожар!" и во время общей сутолоки вытаскивает кошельки и бумажники. Или они подражают той овце, которая бросается бежать через рельсы, сама перебегает и спасается, но увлекает все остальное стадо под поезд..." [7. С.107].

По мнению Ильина, провокатор имеет дело с неорганизованной толпой, массой, еще до него описанной Лейбном и Тардом. Конечно, справедливо его суждение о том, что провокация может иметь успех только там, где народ политически бессознателен и неорганизован, где ум его ослеплен страстью и не может трезво разбираться в событиях жизни. То, о чем говорит Ильин, характерно в первую очередь для общества, имеющего только зачаточные институты власти. На первый взгляд, диалоговые делиберативные формы политической коммуникации исключают осуществление провокационных действий [1].

Однако провокации осуществляются и по сей день. Даже в наиболее близких к идеалу демократии обществах. По этому поводу Гайзман замечает, что "существование даже высокоразвитых методов принятия решений и соответствующие конституционно политические гарантии никоим образом не обеспечивают конституционного характера государства. Наоборот, эти средства могут очень легко (поскольку это трудно проверить) применяться также и для "недемократических" целей" [З. С. 44]. На практике, противопоставление права и провокации как противоправного явления в условиях реализации манипулятивных стратегий может сниматься.

Как уже было показано, политические провокации и даже более обширные манипулятивные стратегии имитируют законодательскую деятельность. Такие провокации предлагается назвать законодательными. В них в максимальной мере выражаются претензии субъекта-манипулятора утвердить свою волю в законодательном порядке, легитимировать свое право на власть. В демократических государствах провокатор старается обеспечить себе поддержку большинства. При этом следует отметить, что "притязание на подчинение большинству имеет силу только при условии, на котором (по идее, не фактически) заключен общественный договор, то есть на основе правового принципа. Что большинство решило за, а не против чего-либо, является необходимым, но еще не достаточным условием демократического характера решения". [З. С. 45]. "Престиж правительства – замечает Кант – заключается именно в том, что оно предоставляет своим подданным свободу судить о правом и неправом не по их собственным понятиям, а согласно предписаниям законодательной власти" [10. С.67]. Однако с помощью большинства субъект-провокатор сохраняет свой престиж и одновременно подменяет легальность выгодного ему решения внешней легитимностью, тогда, как всякое право базируется также на принципе легальности, "в силу которого обязательно всякое решение, которое принято в соответствии с правилами, установленными в правовой системе" [З. С. 47].

Право в этом случае провокатор меняет на выгодное ему законодательство, которое впоследствии определяет порядок, формирующий действительность, в нарушение, однако, принципа легальности – необходимого условия для реализации истинного правового принципа. Поэтому законодательная провокация в современном обществе вполне может быть легитимной, но абсолютно нелегальной в теоретически-правовом отношении. Законодательная провокация является тем социальным явлением, где норма и произвол сходятся в одном феномене. Вернее, произвол становится настолько тонким, что приобретает форму нормативного акта.

К законодательным провокациям можно отнести некоторые приемы некорректного лоббирования чьих-то

интересов в парламенте любой страны. Вполне резонно так говорить в тех случаях, когда проводник какого-либо лобби скрывает истинные причины и заказчика предлагаемого законопроекта. В таких случаях парламентар-манипулятор, осуществляющий законотворческую провокацию, на словах ратует за всеобщее благо, утаивая истинные причины своих стараний. Законодательные провокации обычно являются определенным этапом в проведении более масштабных манипулятивных практик. Законодательные провокации апеллируют к высшим, общечеловеческим ценностям, на самом деле имея в виду узкокорыстные интересы определенной группы лиц. В сущности, субъект провокации является и демагогом в том смысле, как понимал этот термин Ильин.

В современной российской законодательной практике можно выделить ряд субъектов, целенаправленно создающих себе имидж политических провокаторов. Такие индивиды буквально ежедневно "взрывают" коммуникативное пространство различными инициативами, сообщения о которых привлекают внимание общественности. На провокациях еще в 90-ые года прошлого столетия построил свою известность В.Ф. Жириновский. В настоящее время конкуренцию ему составляет депутат законодательного собрания Санкт-Петербурга Виталий Милонов, который известен попыткой запретить спектакль "Сон в летнюю ночь" или компьютерную игру GTA. Депутат штурмует места скопления сексуальных меньшинств, борется с якутскими шаманами. А за политические шутки в интернете предлагает наказывать, как за клевету.

Как правило, многочисленные абсурдные заявления, инициативы подобных законодателей заранее обречены на провал. Однако пользуясь своим статусом депутата, и ролью т.н. ньюсмейкера политик-провокатор создает шумиху вокруг той или иной проблемы, его слова и заявления вынуждены комментировать солидные эксперты в той или иной области культуры, науки, экономики. Как правило, цель таких провокаций заключается не в законотворческой деятельности, а в формировании политически ангажированного медиаконтента. В определенной степени подобный провокатор манипулирует масштабными медиаструктурами, побуждает их реагировать на очередное заявление, как им бы абсурдным оно не казалось.

Очевидно, в современном обществе медийный дискурс вносит свои коррективы в формальную этику Канта, на что и обращает внимание другой немецкий философ – Юрген Хабермас. Он справедливо замечает, что Кант "не мог предвидеть структурное изменение этой общественности (современной Канту – А.Д.) в общественность, которой овладели средства массовой информации, в общественность, забитую картинками и виртуальными реальностями, семантически дегенерирующую. Он не мог

подозревать, что эта среда "говорящего" просвещения получит функцию как бессловесной индокринации, так и обмана при помощи языка" [17. С. 293]. Однако Хабермас не предлагает институционально эффективного метода борьбы с провокациями как формами манипулятивного управления. Его этика дискурса лишь вооружает публику аргументативным инструментарием, доступным, к сожалению, весьма ограниченному количеству индивидов. Различия между индивидами по-прежнему обуславливают уязвимость демократического государства и свободы граждан в ситуации, если "властвующие пытаются манипулировать этим пространством свободы или (и) граждане ложно понимают его как свободу от государства и в этом случае предоставляют заниматься по-

литикой "этим там сверху" [3. С. 52].

Законодательные и военно-политические деструктивные провокации дают эмпирический материал для теоретического исследования феномена провокационного события в целом. Они отличаются друг от друга лишь качеством вовлеченных в них индивидов и внешними атрибутами. Их цель – обман объекта провокации при помощи языка, внедрение в сознание этого объекта псевдоистины и, в конечном результате, преобразование физического мира, согласно интересам субъекта провокации. Последствия проведения подобных провокаций являются проблемной областью для современной политической теории и практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Войнов Д.А. Принципы делиберативной демократии и российская политическая практика // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: теория, методология, практика / Материалы межрегиональной научно-практической конференции. М.: НОУ ВПО "Институт управления и права", 2014. С. 84–97.
2. Волкова О. С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2014. №5. С. 49–55.
3. Гайзман Г. Свобода и право: политическая философия Канта и современность. Нижневартонск. 2003. – 266 с.
4. Данилов А. П. Иностранное вмешательство в выборы Президента суверенной Республики Беларусь в декабре 2010 г. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. №24. С.70–75.
5. Данилов А. П. Декабрьская провокация гражданской войны в России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. №22. С.60–70.
6. Дружинин А.М. Коммуникации созидательные и деструктивные // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2010. Т. 55. С. 172–182.
7. Ильин. И.А. Демагогия и провокация // Ильин. И.А. Собр. соч. В. 10 т. Т.9–10. М. 1999.
8. Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. М.,1968. – 62 с.
9. Леонов Н.И. Онтологическая сущность конфликтов // Конфликтология. Хрестоматия. М. 2002. С. 90–108.
10. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т.4. М. 1994. С. 373–480.
11. Карпунин О. Макаревич Э. Формирование масс. Калининград. 2001. – 547 с.
12. Мирошниченко М. С. Роль частных военных компаний и "неизвестных" снайперов в осуществлении "цветных революций" // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. №3 (34). С.105–112.
13. Николаевский Б. История одного предателя. М. 1991. – 370 с.
14. Новицкий И. Римское право. М., 1998. – 310 с.
15. Суляк С. По следам одной провокации // Русин. 2006. №4. С. 197–200.
16. Троцкий. Л. Провокация французских империалистов // "Правда" 1920. N 177.
17. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб. 2001. – 415 с.
18. Bernays Edward L. Manipulating Public Opinion: The Why and The How. American Journal of Sociology, Volume 33, Issue 6 (May, 1928), 958–971.
19. Chomsky N. (1997) Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda. N.Y. 105 p.
20. Melo M. and G. Baiocci (2006) Deliberative Democracy and Local Governance: Towards a New Agenda International Journal of Urban and Regional Research Volume 30.3587–600 DOI:10.1111/j.1468–2427.2006.00686.x
21. Van Dijk T. A. (2006) Discourse and manipulation // Discourse & Society Vol 17(2): 359–383 doi: 10.1177/0957926506060250
22. Wahlstroma Mattias (2011) Taking Control or Losing Control? Activist Narratives of Provocation and Collective Violence // Social Movement Studies: Journal of Social, Cultural and Political Protest. Volume 10, Issue 4, p.367–385 DOI:10.1080/14742837.2011.614107
23. Wilhelm, A.G. (1999) Virtual sounding boards: how deliberative is online political discussion? in B.N. Hague and B.D. Loader (eds.) Digital Democracy. Discourse and Decision Making in the Information Age, London: Routledge. pp. 90–108.